

НОЧЬЮ ВСПЫХНЕТ сухая птица
из бумаги газетной, в стекле
отразится она, повторится
и листки в календаре
ей ответят другое, дневное,
что не в силах мы предупредить.
подоконник с тонкой золою
начинает за нас говорить.
и пока мы сидим на кровати,
завернувшись в одну простыню,
древних азбук идут караваны
в зеркалах, фотоснимки поют —
сами крутятся на мониторе,
ржавый голубь с улыбкой другой
и чужие плащи в коридоре,
виноград на столе золотой...

Умирай, прогорай, временная
птичка, бабочка, роза, змея!..
это только во сне — оригами,
и живу как будто бы я,
от земной пустоты отлетая,
вот и снится — больная лоза,
птичья дудка и фляга пустая,
кот прекрасный, небесный базар...

Я во сне перестал побеждать.

Ю. Кузнецов

В ЧЕРЕПНОЙ КОРОБКЕ земных передач
наступает ночь, я сложусь воедино.
чёрный эпос — кифары своей циркач
разбивает волной цветную витрину,
белый эпос нудит на щекастой трубе
что-то пошное, красное спьяну.
осень едет на старом горбе
к той горе, где звучать перестану.

ждать, курить, во дворах поджигать целлофан
и во сне золотой целовать нотный стан, —
беглой музыки жало иное,
алкогольное, ледяное.
почему так легко зарыдать?

причастившись заморской двойной пустоты
на асфальт, на сухие в прожилках цветы
лить вино, умирать без героя.
а вернёшься домой — всё иное,
подоконник в шмелях золотых.

ЕСЛИ ВДРУГ вспомнятся тусклые сёла,
Грязные шторы в доме казённом,

Рыжие бархатцы в детской руке,
Жирная щука в прелом укропе,
Папа, как будто чужой, в тёмной робе
Тихо стоит, прислонившись к стене.

Если вдруг станет такой же стеною
Прошлое, — страх остаётся со мною,
Водит по телу студёным пером,
Солнышко делает тёмным пятном.
«Помнишь, — кричит мне, — щуку в укропе,
Дни посторонние в сладком сиропе,
Зуб свой молочный на толстом ковре,
Книжки про ВОВ там, где врут под чистую?
Первой постелью тебя нарисую,
Яблоком адским, галей в игре,
Гулом слепым дискотеки КЦ-шной,
Сломанной ложкой, лежащей в снегу,
Шахматным полем и спрятанной пешкой».
Это не я. Я так быть не могу.

Если вдруг вспомнится запах сарая,
Мелкие яблоки в дождь собираю,
Белую скатерть тяну со стола, —
Это не я, я такой не была.
Дней настоящих горячие розы,
Тело трамвая, сон спиртовой,
Шёпоты горные, мамины слёзы, —
Только и там это кто-то другой.

Белое слово молвить велю.
Это не я. Я таких не люблю.

ДЕРЖИТСЯ БАБОЧКА на игле,
Трикстеры спят в папиросной золе.
Страшно молчать и в 17 лет,
Не замечаешь, — весна прошла,
Глобус на полке весь пожелтел.

Слышится треск конопляных крыл,
Благовест знойный, игольный зной.
Как мы ещё провёли выходной,
С губой распухшей плетусь домой.

Страшно молчать. Но ещё — черкотня:
«Если умру, не судите меня».
Скоро я вырасту, флейту зажгу,
В сонной траве отыщу светляка,
Вспомню старуху, что у ларька
Ягодными кулями трясла.
Мы ржали над ней, а за спиной
Огонь открывался у нас земной.

Вот у таджиков крадёт арбуз,
Цитирует Лермонтова наизусть,

Помнится запахом папиных папирос,
Музыкой диско, и страшно теперь пришлось:

Бабочка не замечает иглу,
Трикстер столичный и свечка в углу.
Можно попробовать зареветь.
Можно попробовать помолчать,
Но жирная отекает свеча.
В теле ворочается, во рту...
И на губах седьмая печать

Всё превращается в темноту.

И тогда ты воскликнешь смиренно:
«Мне не надо иного царства,
Кроме царства этого поклона!»

Джалал ал-дин Руми

КТО В ДОМ пришёл без сна и зова...
Тут свечка теплится впотьмах.
Снаружи нету горизонта,
И плачут звери на дубах

Что будет так и по навету —
Где спал в крылах бесстрастный гул,
Над сонной тенью минарета
Вспорхнёт неведомый табун, —

Заржут и облака проглотят
И женщин наших увезут,
Придуманные плоть от плоти,
Миры расплачутся внизу.

.....
Мой друг, мы все в церквах затихнем,
Как ветер в приторном лесу,
И я тебе в сне облепиховом
Монетку к веку поднесу.

Пойдём по улочкам всевышним,
Где злой тележку гремит
Мороженщик и пахнут вишни,
Дурак монеткою звенит...

Где связь берёт в любом подвале,
Не страшно в белую тюрьму,
Где человека заковали и Магомета заковали,
Не расспросили что к чему.

В СЪЁМНЫХ комнатах легче молчать,
Хоронить в холодильнике воду.
Если дождь, он яснее тебя,
Если летний, то так и надо.

Не найти Эдема потерь,
Из чужого не вырасти сада.
Где кирпичные пустыри,
Что-то сорным, родным показалось.

Будем время тянуть и месить
Тесто в плошке большой среди ночи,
Хоть к утру ни к чему хлеба, —
Запекутся чернее солнца.

На стене истёршийся постер. —
Говоришь, как бы сам исчезает.
Если некуда возвращаться,
То к чему же здесь столько книг
С пустыми страницами?

Ангел твой тёмный
Или что-то ещё показалось
Важнее этих страниц?

МЫ ПРИШЛИ, как рабы в этот город
дождливый,
Пили, прятались в арках от злого дождя.
Друг в ветровке летящей, чужой и счастливый,
Пробежал вслед меня и забыл про меня.

Нас какие-то люди сто раз приютили,
Фотографии, чашки и хлеб нам несли,
Только мы оболочку им вслед говорили,
Только тайны пасхальные чёрной земли.

Мы горели в садах и в музеях бетонных,
В переходах подземных цветных и сырых,
Мы служили и знали, что нас здесь не тронут,
Весь багаж растеряли, свод песен простых.

Блёклым утром на масляной глади речной
Умирала мелодия, и над собором
Оболочки из слов расплавляли колокол,

Старый друг торопился сбежать из страны...
Мы пришли, как рабы, и рабам суждены
Улыбаться беззвёздно и прятать головы
Под чужие подушки до новой весны...

Тропа

ОН ИЗ КИТЕЖА УШЁЛ
и от Константинополя,
И от стройных ворот явился к совсем
незнакомым.

Там на чурочках люди все ночи сидят
Да вино горячее пьют,
А наскучит, так пчёл золотых на лету ловят,
Только не знают, где их добрый царь,
Где их вечная оболочка...

Он от тех ворот ходил на морское дно,
По морскому дну ходил, светофоры, видел,
горят,

И высоких домов не сосчитать,
И зеркальных рыб не сосчитать,
Поверх ила дети вповалку лежат,
Башня голая алым искрит...

Поднимался он из пучины той,
На большую гору всходил и долго там был,
А гора та черна и проста,
И не вырастет там невинный цветок,
И под небом чужим холодно спать.
Кабы виден был и здесь Китеж-град...

У ворот хмельных пустота сладка.

Двор

ЭТО, ВЕРНО, какой-то особый уют.
Здесь старинных романсов давно не поют,
И в узбекском халате бежит дуралей
За красивой невестой своей.

Старики рассыпают дешёвый табак,
Мародёры визгливых увозят дворняг,
Одинокие женщины растят фиалки,
Лампы в комнатах светят ярко.

Только бледные дети плачут во тьме
Первозданной. В 3D формате
Ходят мамочки в белых прозрачных платьях
По двору, честно не замечая старух.

Перезвоны и вспышки, и крики, и стук.
Сколько прожито здесь одинаковых дней,
Сколько движется здесь безотчётных теней!
Если это есть вечность, не надо

О другом никому здесь вообще горевать.
Буду жить, буду клумбы в тени разбивать,
По ночам вместе с детками плакать.

Но под воду уйдёт этот маленький двор,
Но под воду уйдёт этот правильный дом
И слова на земле, на бумаге,
И весёлое тело дворняги,
Чтобы снова не встретиться в мире ином...